

Елин В.Н.
(г. Горно-Алтайск)

КЫЗЫЛ-ТАЛ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ

Из многих научных сообщений и на основе опубликованного недавно справочника "Петроглифы Алтая" (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992) становится ясно, что петроглифоведение рассматриваемого региона за последние десятилетия сделало довольно значительные успехи не только по линии открытия новых памятников, но и определения их хронологии, культурной атрибуции, а также выяснения семантики. В то же время есть ряд упущений со стороны специалистов в этой сфере археологии (Елин В.Н., 1993.-С.260-263). Самым серьезным среди них можно считать практически полное отсутствие знаний о содержании того или иного петроглифического памятника, отсутствие публикаций, посвященных таким памятникам.

Наиболее ярким примером обозначенной ситуации можно назвать первоклассное местонахождение Кызыл-Тал. Упоминание о нем мы встречаем в сборнике, "Археологическое открытие 1986 года" (Марсадолов Л.С, 1989.-С.244), а также в упомянутых ранее "Петроглифах Алтая" (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992.-С.60). Между тем Кызыл-Тал заслуживает к себе особого внимания, так как с научной точки зрения его значение трудно переоценить. На кафедре отечественной истории Горно-Алтайского госуниверситета одной из плановых научных тем уже давно являются петроглифы, поиски которых ведутся еще с семидесятых годов, а потому считаем своим долгом, насколько это позволяет сделать объем данного сборника, познакомить с основой содержания памятника и теми важными проблемами, которые возникли при его обследовании.

Копирование изображений проводилось в мае 1994 года, когда небольшой отряд археологов Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и Горно-Алтайского университета проводил инструментальную съемку древних объектов в долине Нижняя Соору вблизи с.Кулада в Центральном Алтае с целью последующей их музеефикации. Предварительные сообщения об исследованиях на Кызыл-Тале уже опубликованы или находятся в печати (Елин В.Н., 144; Елин В.Н., 1995. - В печати).

Урочище Кызыл-Тал, по которому названо местонахождение петроглифов, занимает промежуточное положение между Нижней Соору и Башадаром и расположено примерно в 5 км к востоку от с.Кулада. Изображения нанесены на скальных разрушающихся поверхностях небольшой горы, занимающей обособленное положение от более крупных горных массивов.

На скалах, обращенных поверхностями к западу, имеются только петроглифы, выполненные выбивкой в эпоху раннего железа. Вместе с тем объектом нашего внимания стала самая южная плоскость, на которой в контексте с эскизными изображениями животных есть загадочное изображение (рис.1,15). Аналогий к пределам Горного Алтая нам неизвестно, а местные жители, интересующиеся древностью называли его "морской звездой" (рис. 1,1). Действительно, сходство со звездой прослеживается. Достаточно отчетливо, но только не с морской. В ходе просмотра различной литературы данный образ постепенно начинает проясняться. Очень похоже, а именно с восемью лучами, древние шумеры обозначали именно звезду в период создания своей письменности, а в III тыс. до н. э. головной убор знатной женщины из г.Ура был украшен тремя восьмиконечными золотыми звездами. Далее выяснилось, что изображение такой звезды есть на государственном флаге Азербайджана, а также на флагах российских республик - Карелия и Удмуртия, население которых генетически связано с финно-угорским миром. Правда, в двух последних случаях звезды стилизованы: восемь лучей сведены в четыре пары. Для удмуртов восьмиконечный солярный знак - толэзё - является не только распространенным орнаментальным мотивом, но и талисманом-оберегом, "ограждающим от всяческих невзгод". Сходно с петроглифом из Горного Алтая и украшение, найденное на территории Монголии (Волков В.В., 1967.-рис.20,12). Вне всякого сомнения, наиболее полный ответ по семантике символа и условиям

появления такого у многих народов содержится в книге А.Голана "Миф и символ" (Голан А., 1994. - С.152; рис.325-327). Автор сообщает, что в Древней Индии существовало почитание восьми направлений горизонта. Столько же направлений мир имел в скандинавской традиции. Святилище Перуна в Киеве было окружено восемью кострищами, расположенными по направлению четырех основных сторон горизонта и четырех промежуточных. Такое представление о строении мира существовало в Древнем Китае и Древней Америке. "Сакральное значение числа 8 могло иметь и календарно-астрономическое основание. Один раз за восемь лет полнолуние совпадает с солнцестоянием и поэтому совпадают отсчеты времени по луне и солнцу" (Там же). Автор монографии полагает также, что с "эпохи бронзы восьмиконечная звезда, видимо, понималась как солнечный символ". В принципе такой вывод не может противоречить находке из Горного Алтая, так как она более темного цвета в сравнении с сопутствующими изображениями животных, которые стилистически более всего близки рисункам скифского времени (Елин В.Н., 1995.- С.143).

На восточном склоне нанесены только рисунки-граффити (рис.2-9). Основными сюжетными линиями являются охота и отправление религиозного культа (рис.2,3,4,5 (?),7,8,9). В большом количестве представлены изображения деревьев (рис.2) или животных с древовидными рогами (рис.2,4,6,8,9). Сложность копирования этих рисунков заключалась в том, что многие композиции были необычайно насыщены фигурами диких животных, коней, деревьев, пересекающимися или беспорядочными линиями, штриховкой. На этом склоне Кызыл-Тала переплелась творческая мысль художников различных эпох, и, может быть, до такой степени, что более поздние из них заимствовали отдельные образы у своих предшественников на том же самом месте, где и сами намеривались реализовывать задуманное. В силу указанных причин датировка граффити Кызыл-Тала является достаточно сложной проблемой. Тем не менее попытаемся разобраться хотя бы в части нюансов.

Не вызывает особого труда установление хронологии тех рисунков, а прежде всего оленей, выполненных плавной линией, имеющих изящные формы и ветвистые рога. Отнесение их к древнетюркскому времени не вызывает никаких сомнений (Молодин В.И.. 1992. - С.92; Елин В.Н., Некрасов в.А., 1994,-С.281). Сложнее обстоит дело с основным изобразительным массивом восточного склона. Фигуры людей или животных в композициях или их отдельные изображения в сравнении с "классическими" древнетюркскими в значительной степени стилизованы или даже условны (напр., рис.5,7,8). Такая стилизация могла быть достигнута другим (менее способным ?) исполнителем древнетюркской эпохи, как это иногда объясняют некоторые исследователи. Может быть. Не исключено также, что она могла быть выполнена в иное время, но в рамках той же эпохи, или же вообще наносилась в иную эпоху. Состояние патенизации не всегда по разным причинам дает желательный результат. Думается, что это последний аргумент или критерий при определении хронологии рисунков.

В нашем случае обращает на себя внимание то, что при изучении сцен охоты выявляется типология наконечников стрел. Конечно, при их исполнении могут возникнуть разные случайности и тогда типологическая привязка может попросту не сработать. На Кызыл-Тале все же очень четко определяются ромбические наконечники, которые использовались от гунно-сарматского времени до средневековья, а на рис.4 очень четко фиксируется ярусный наконечник стрелы. Все известные в Горном Алтае наконечники данного типа не выходят за хронологические пределы гунно-сарматского времени. Мы допускали ранее мысль, что памятники кок-пашского типа могли выходить за пределы V, в VI век, но имеющиеся на сегодняшний день предметные комплексы не обеспечиваются пока точными хронологическими подтверждениями. В связи с этим вопрос можно поставить следующим образом: либо часть изображений может быть датирована эпохой великого переселения народов, либо ярусные наконечники бытовали и в более позднее время, что засвидетельствовано по находками ярусных наконечников из других территорий Южной Сибири. Антропоморфный персонаж (рис.9) иконографически обособляется от основного изобразительного массива и скорее всего схож с этнографическими зарисовками.

трактуемыми как божества языческих представлений, но и в данном случае он является неотъемлемой, а не обособленной фигурой в рамках композиции.

Нами предполагается продолжение более основательных работ на Кызыл-Тале, а также в других местах куландинской долины и остается надежда, что предстоящие исследования внесут более ощутимую ясность в начертанную схему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. - Улан-Батор, 1967.-148 с.
2. Голан А. Миф и символ. - М.,1994.
3. Елин В.Н. О проблемах изучения петроглифов //Охрана и изучение культурного наследия Алтая (Тезисы научно-практической конференции). Ч.П. - Барнаул,1993. - С.260-263.
4. Елин В.Н. Петроглифический памятник Кызыл-Тал //Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (Тезисы научно-практической конференции). - Барнаул, 1995. - С.142-144.
5. Елин В.Н. Петроглифы в исследованиях Горно-Алтайского университета. - Кемерово. - В печати.
6. Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с.Усть-Кан //Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. - Горно-Алтайск, 1994. - С.116-122; 281-283.
7. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая.- Новосибирск, 1992.-121 с.
8. Марсадилов Л.С. Исследования на Алтае //АО 1986 года. - М., 1989.-С.144.
9. Молодин В.И. Усть-Канская писаница //Наскальные рисунки Евразии. - Новосибирск, 1992. - С.91-93.

Подпись к рисункам

Рис.1-9. Петроглифы Кызыл-Тал.

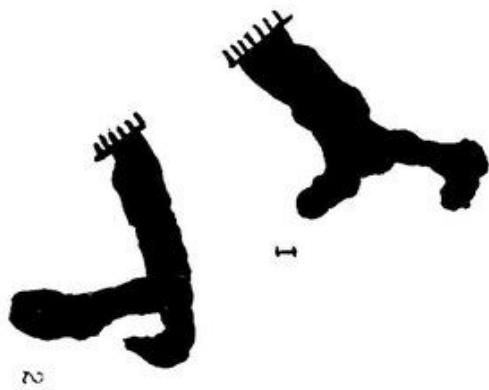

Fig. 1

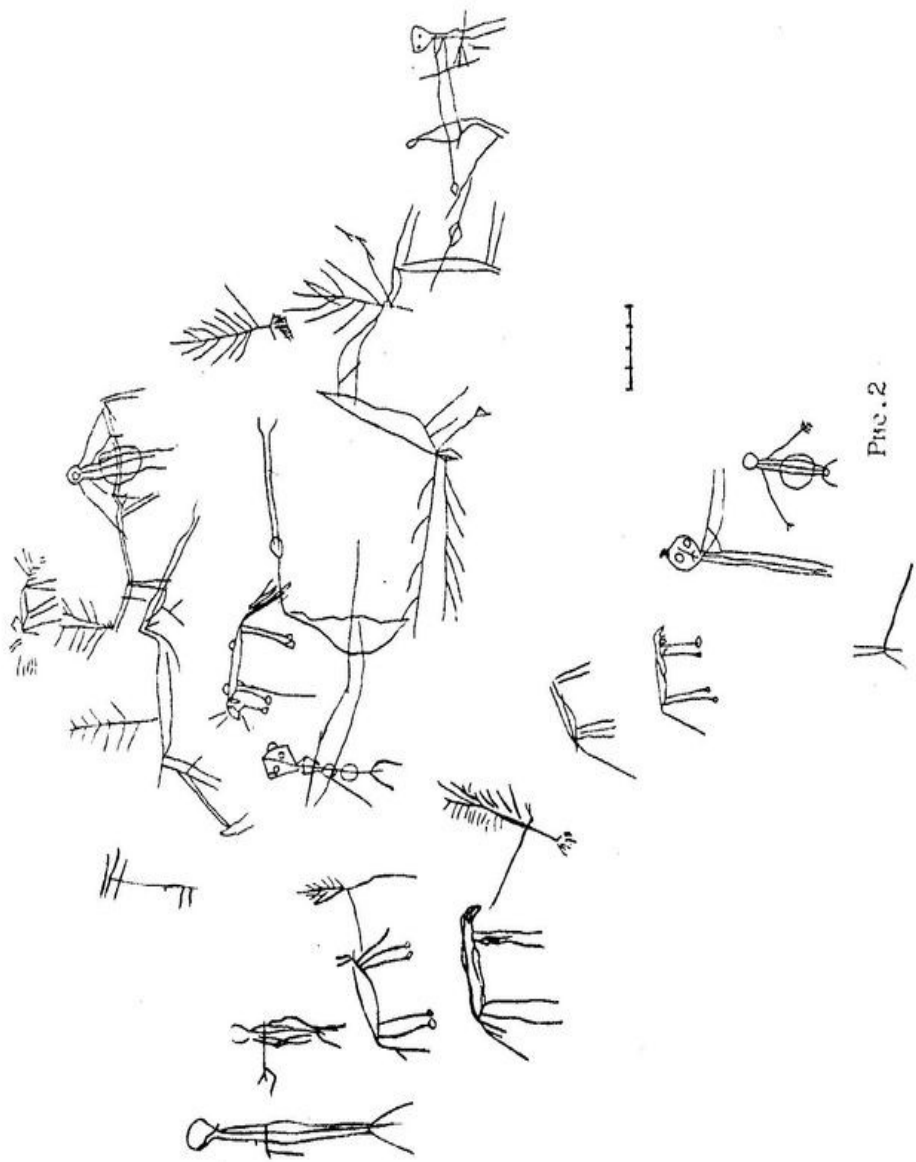

FIG. 2

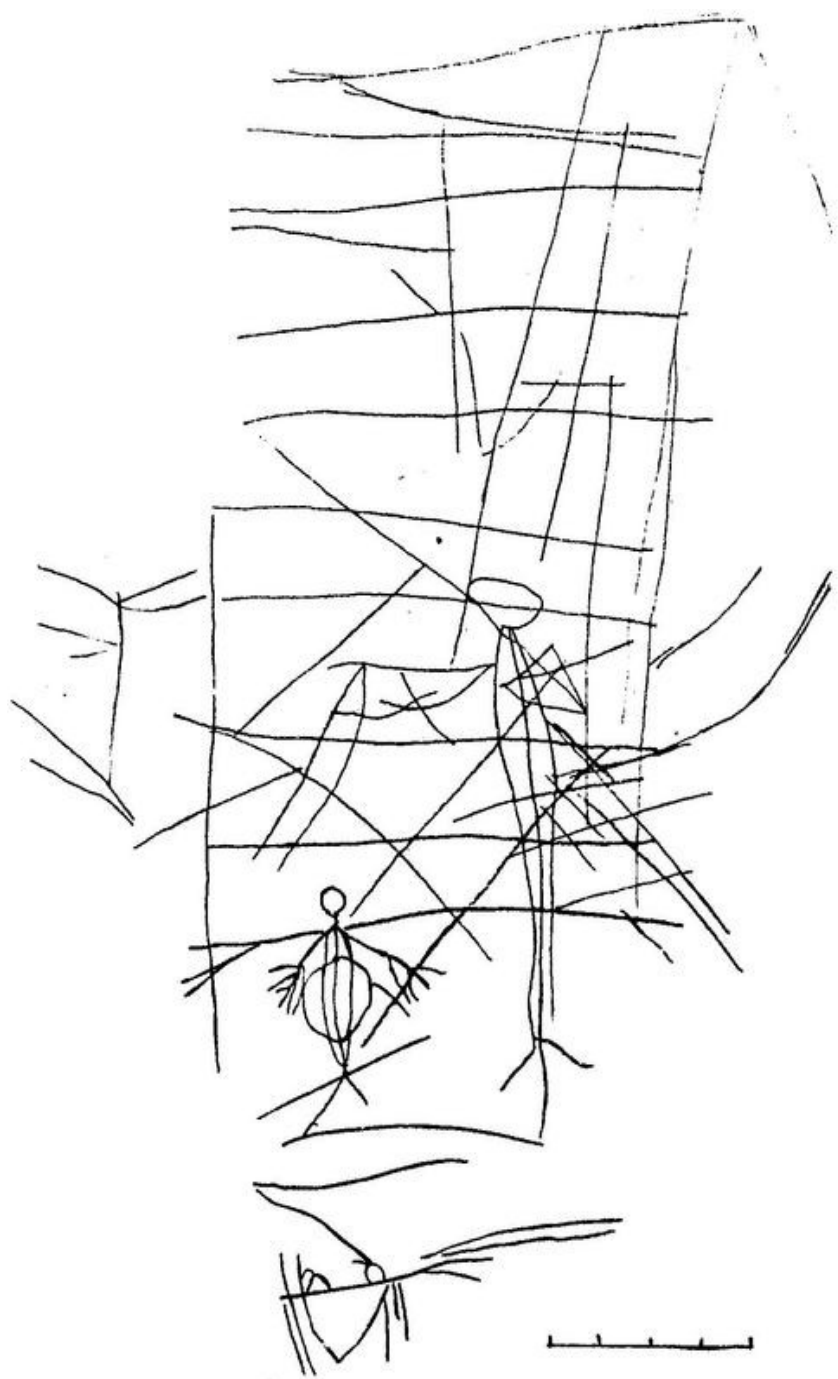

Рис. 3

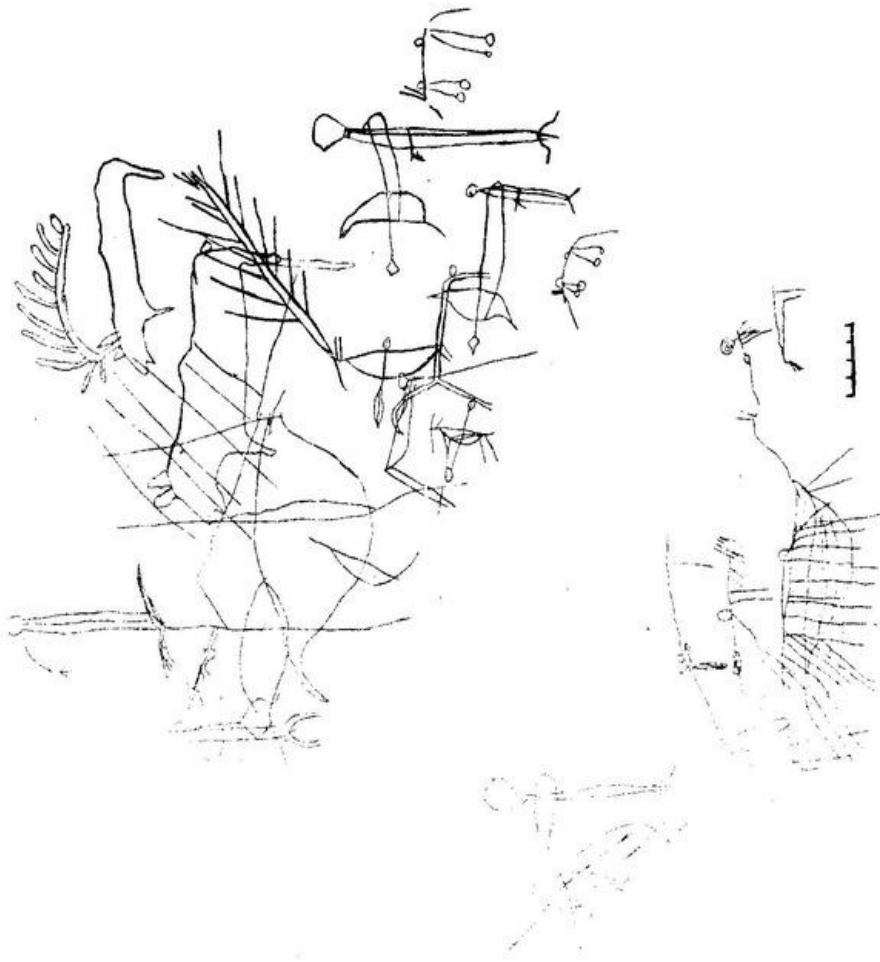

Fig. 4

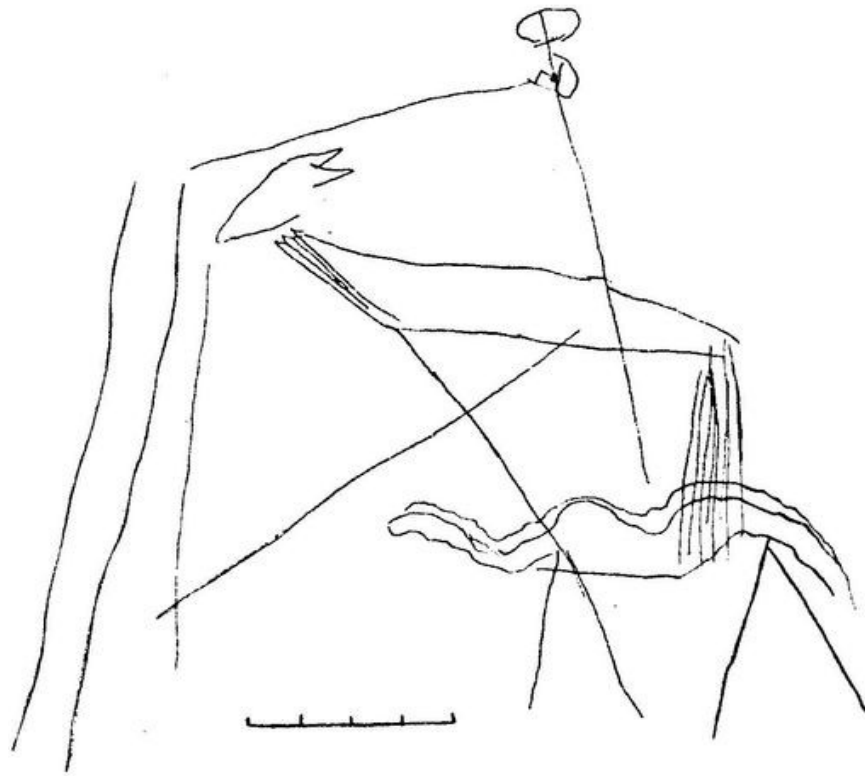

Рис. 5

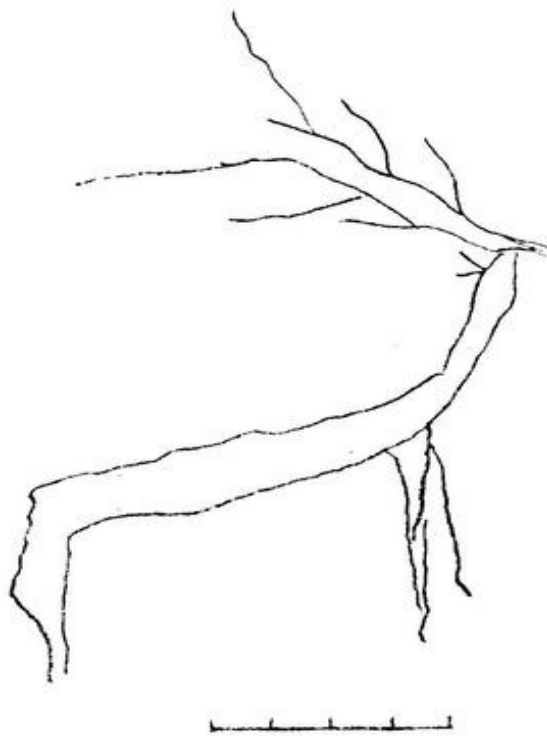

Рис. 6

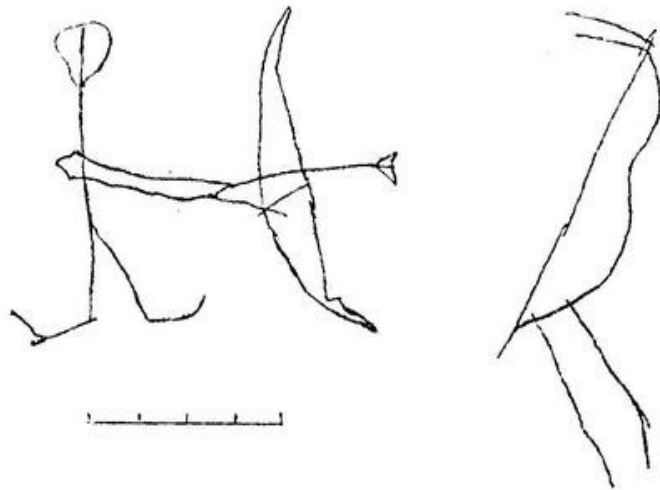

Рис. 7

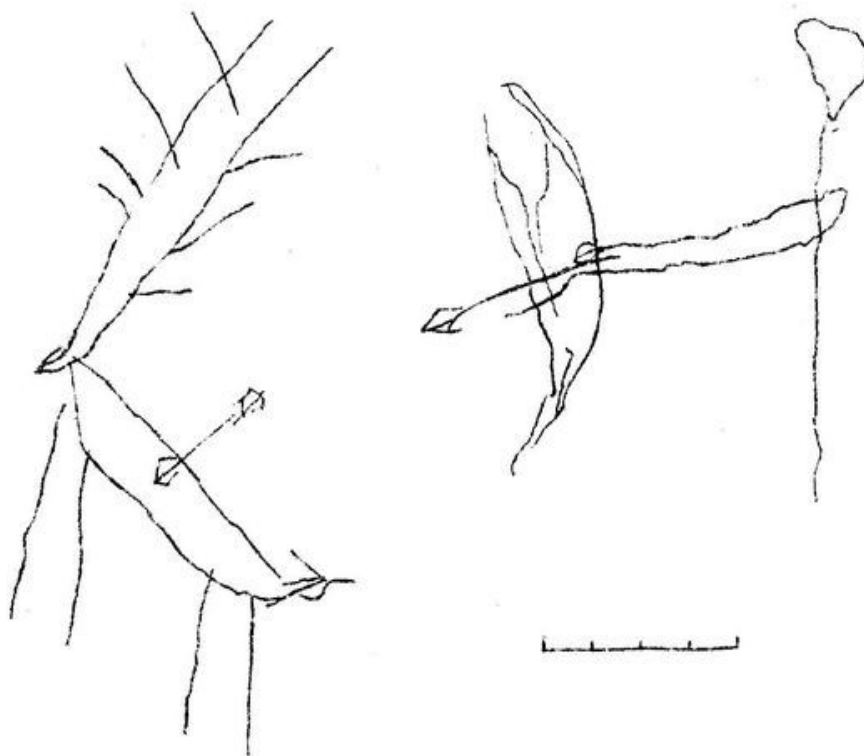

Рис. 8

Рис. 9